

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ТОМЪ I

ВЪЗНЕСЕН
НА
ПЕЧАТЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ. ЛИТ., № 39
1866.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ВЪ КУЛЬДЖѢ.

Отрядъ нашъ стоялъ на урочищѣ Аралъ-Тюбе, въ 50 верстахъ отъ китайской границы, и, по частнымъ слухамъ, впрочемъ, невѣрнымъ, рано или поздно долженъ былъ идти въ Кульджу. Мы нетерпѣливо ожидали летучку, съ приказаніемъ выступить изъ урочища Аралъ-Тюбе, а летучки, къ величайшему нашему огорченію, нѣтъ да нѣтъ. Китайцы то и дѣло пріѣзжали къ намъ въ отрядъ съ вопросами: „да скоро ли вы пойдете къ намъ на помощь? Вѣдь мы изъ Вѣрнаго. Тамъ обѣщали намъ помощь... что же вы?...“ Эти вопросы, задаваемые въ разныхъ видахъ и тонахъ, подавали намъ надежду, что мы стоимъ, стоимъ да и пойдёмъ же наконецъ впередъ. Китайцы, обыкновенно, опять уѣдутъ въ укрѣпленіе Вѣрное просить помощи, а мы принимаемся готовиться къ походу. Пройдетъ недѣля, пожалуй, другая, смотришь — опять ѣдутъ наши китайцы изъ Вѣрнаго къ намъ, въ отрядъ. Мы думаемъ: ну завтра и выступать... „Что? какъ? съ чѣмъ вы пріѣхали?“ спрашиваемъ мы китайцевъ, а они, выпучивъ глаза, спрашиваютъ насъ: „скоро ли вашъ отрядъ къ намъ пойдётъ? или онъ вовсе не пойдётъ?“

Мы и головы повѣсимъ... Значитъ, по прежнему, намъ стоять на мѣстѣ, а, между тѣмъ, любопытство наше увидать отечество сыновъ срединнаго царства возрастало съ каждымъ днемъ. Разсматривая вблизи китайцевъ, начиная съ ихъ лицъ до подошвъ башмаковъ, невольно, бывало, задаешь себѣ вопросъ: неужели это воины-защитники отечества? Какіе же, послѣ этого, у нихъ непріатели, позволяющіе имъ такъ долго держаться въ Кульджѣ? и что это за чудный городъ, такъ долго

осаждаемый безуспѣшно? Разказы же тѣхъ, кто бывалъ на китайскомъ пикетѣ Борохудзирѣ, о кумирняхъ и о характерѣ мѣстности окончательно подмывали насъ. Легко понять, какъ соблазнительно было пятидесятиверстное разстояніе отъ Китая. А китайцы, словно нарочно, начнутъ, бывало, разсказывать про свою жизнь, про своихъ боговъ, которые теперь, по случаю окончившагося шестидесятилѣтія, смѣняются, а потому напускаютъ на Китай бѣдствія. „Это всегда бываетъ при перемѣнѣ боговъ“ говорили китайцы. Три года непременно у насъ будутъ смуты, а послѣ все затихнетъ.“ Китайцы, дунгени, отслужившіе и вступающіе на службу боги, все это сулило столько интереса, что, вступивши въ Кульджу, намъ казалось, мы будемъ зрителями борьбы китайцевъ не только съ дунгенями, но и ихъ боговъ между собою.

Наконецъ, 13-го іюля, я получилъ командировку въ Кульджу, при конвоѣ изъ 15 казаковъ. 14-го мы выступили изъ отряда и должны были ночевать на Кушмурунской долині, въ 15 верстахъ отъ Борохудзира.

Мѣсяцемъ раньше, я проходилъ эти мѣста до Кушмуруна, маневромъ, въ составѣ нашего отряда; но тогда я шелъ со своимъ взводомъ легкой артилеріи и все время не отводилъ глазъ отъ орудій и ящиковъ, встрѣчавшихъ на каждомъ шагѣ или горы, или арыки, или косогоры, или просто груды камней. Тогда я былъ весь погруженъ въ заботы перевести артилерію благополучно чрезъ то или другое препятствіе, и не до того мнѣ было, чтобы любоваться мѣстностію; я даже не спросилъ, почему эта долина названа „Кушмурунской“, и не обратилъ вниманія на ея особенности. Теперь другое дѣло: мы ѣхали верхомъ, налегкѣ, въ полномъ смыслѣ; съ нами были только три вьючныхъ лошади, и тѣ не отставали ни на шагъ; я теперь вновь разсматривалъ это мѣсто и подивился, какъ могла пройти артилерія урочище Югонъ-Тасъ и очутиться на Кушмурунѣ: отъ Аралъ-Тюбе до Кушмуруна нѣтъ ни одной тропинки, которая хотя бы съ версту шла по ровному мѣсту; все холмы и горы, подъемы и спуски; попадаются также ручьи, но не видно ни дерева, ни кустика; трава рѣдкая, жесткая, растущая небольшими кустиками, для коски негодная, однако здоровая и сильная, называемая „кипецъ“. Незамѣтно мы добрались до той горы, съ которой открывалась Кушмурунская долина. Она имѣетъ видъ правильнаго прямоугольника, кото-

рый тянется на востокъ верстъ на 12; высота горъ кругомъ почти одна и та же, что видно по одинаковой сѣдинѣ гребня; съ правой стороны бѣжитъ рѣчка на востокъ, если не очень глубокая, за то грозная на видъ. Эта рѣчка, на пути своемъ, встрѣчаетъ гору, выдавшуюся во внутренность долины острымъ угломъ, похожимъ, по мнѣнію киргизовъ, на птичій носъ (кушмурунъ), отъ чего и дано названіе этой долины. Вся долина изрѣзана кочевными тропинками. Нѣсколько холмистое мѣсто, высота боковыхъ горъ, длинная, предлинная перспектива и, наконецъ, замкнутость со всѣхъ сторонъ придаютъ мѣстности суровый видъ.

Къ закату солнца мы достигли того аула, гдѣ намъ былъ назначенъ ночлегъ и гдѣ, по этому случаю, для насъ сварили барана и запасли кумыса и айрана. Долина здѣсь казалась не шире 5 верстъ; горы слѣва спускались уступами, нѣсколько покатыми къ долины, и на разной высотѣ ихъ лѣпились аулы. Въ эту пору киргизы, избѣгая жары и оводовъ, поднимаются все выше и выше; аулъ, гдѣ мы ночевали, стоялъ тоже не низко, въ самыхъ скалахъ, верстахъ въ четырехъ отъ ручья, струившагося у подошвы горы. Вечеромъ нельзя было жаловаться на жаръ, и ночь мы проспали покойно, будто у себя въ отрядѣ на Аралъ-Тюбе. Рано утромъ, 15-го числа, мы оставили ночлегъ и направились дальше къ Борохудзиру. Сперва мы шли долиной, потомъ перевалами; наконецъ, предъ нами открылась карасуйская щель, которая тянется верстъ шесть зигзагами все внизъ и внизъ; уголъ наклона ея остается отъ начала ея и до конца почти одинаковъ—въ 7°. Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ болѣе грозный характеръ принимала она; предъ выходомъ же къ рѣкѣ Борохудзиру мы очутились въ узкой пропасти съ высочайшими стѣнами по сторонамъ и грудами камней, готовыми обрушиться на наши головы. Ущелье кончилось. Глаза наши, утомленные видомъ голыхъ скалъ, съ жадностію впивались въ пять-шесть деревьевъ, видѣвшихся на долины и окружавшихъ первый китайскій пикетъ Борохудзиръ. Впереди не было замѣтно снѣговыхъ горъ, подобныхъ кушмурунскимъ; кругомъ зеленѣло; пахло теплымъ вѣтромъ, стало печь солнцемъ; въ какихъ-нибудь пяти верстахъ, что оставались до пикета, мы осязательно почувствовали, что это не Кушмурунъ, бросились къ первому ручью, въ надеждѣ освѣ-

житься, но теплая и мутная вода заставила насъ только поспѣшить грѣть чайники и чаемъ утолить жажду.

Пикетъ, смотрѣвшій издали такъ уютно, оскѣненный тополями и урюковыми деревьями, обѣщалъ намъ и покой, и прохладу, и, въ добавокъ, интересныхъ китайскихъ боговъ въ кумирнѣ. Мы въѣхали во дворъ пикета, привязали лошадей и направились въ кумирню. Но любопытство наше было жестоко обмануто: кромѣ трехъ истукановъ, колокола да грязи мы не видали ничего. Кумирня походила бы скорѣй на брошенный загонъ для барановъ, если бы въ ней не было трехъ уродливыхъ алебастровыхъ идоловъ.

Жалко было смотрѣть на это зданіе. Оно стояло, вѣроятно, не мало денегъ и труда, хотя занимало мѣста не болѣе двухъ сажень; полы были хорошо выложены кирпичемъ, стѣны тоже кирпичныя, крыша камышевая; двери и перегородка, отдѣлявшія открытую часть кумирни отъ святилища, всѣ рѣзной работы и размазаны красками; стѣны тоже изрисованы, правда неискусно, но все-таки, по словамъ китайцевъ, лучшими живописцами. Первая, отъ входа, половина кумирни похожа на паперть нашихъ церквей; другая представляетъ квадратную, безъ оконъ, комнату, гдѣ насупротивъ двери сидитъ фигура съ длинными усами и краснымъ большимъ лицомъ, одѣтая въ обыкновенный китайскій костюмъ; противъ этого истукана чугунный колоколь, а по сторонамъ еще двѣ статуи на ногахъ, изуродованныя, испачканныя и покрытыя толстымъ слоемъ пыли. Лица на истуканахъ и картинахъ, какъ видно, запачканы просто слюной, размазанной руками; птичьи гнѣзда подъ крышей, почти надъ самыми головами статуй, довершаютъ неопрятность кумирни. Китайцы, бывшіе съ нами, на все это смотрѣли хладнокровно. Они предложили намъ пить чай на паперти, но я предпочелъ убраться на траву, чтобы не потерять аппетита. Здѣсь, когда обернешься по направленію къ ущелью, становится очевиднымъ, на какой высотѣ находится Кушмурунь, и ощущаешь разницу температуры. Отъ Ворохуэзира мѣстность принимаетъ совсѣмъ другой характеръ. Дорога идетъ холмами; по сторонамъ тянутся сплошныя, глиняныя горы съ отвѣсными стѣнами, на которыхъ не трудно сосчитать слои разныхъ оттѣнковъ, отъ блѣдножелтаго до малиноваго. Сохраняя постоянно одну высоту, стѣны эти очень похожи на искусственныя. Растительность бѣдна; мѣсто вообще скучно и

безлюдно; воды вовсе нѣтъ. Дальше мѣстность выравнивается; тропинки пролегаютъ больше по сухимъ песчанымъ русламъ довольно широкихъ, но мелкихъ весеннихъ рѣчекъ. Еще далѣе, отъ 5-го пикета, начинаются пашни и колесная дорога; затѣмъ открывается Илійская долина, исчезающая за горизонтомъ. На ней-то, у подошвы ската, образуемаго уваломъ, и стоитъ городъ Турченъ, тихо и безжизненно смотрящій изъ-за зубцовъ своихъ стѣнъ на то, что дѣлается кругомъ. Мы были уже верстѣ пять отъ города, а народа на полѣ все не видали; изъ города къ намъ не доносилось ни одного шороха, точно тамъ все вымерло. Солнце закатывалось; мы медленно подвигались впередъ... Но вдали поднялась пыль, и скоро затѣмъ показались три верховые китайца, выѣхавшіе къ намъ на встрѣчу. Одинъ изъ нихъ, штабъ-офицеръ, былъ нарочно присланъ изъ Кульдѣжи для нашей встрѣчи. Спросивши меня о здоровьи и благополучно ли мы проѣхали разстояніе, онъ раскланялся, говоря, что ѣдетъ приготовить намъ чай, и поскакалъ обратно маршъ-маршемъ. Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы вѣхали въ крѣпостныя ворота, надъ которыми лѣпились у зубцовъ нѣсколько мальчишекъ, приставшихъ потомъ къ нашей свитѣ.

Длинная, прямая, довольно тѣсная улица, образуемая сплошными заборами, съ одними только воротами, вела почти черезъ весь городъ; наконецъ вожакъ нашъ завернулъ круто направо, во дворъ назначеннаго намъ дома. Тутъ только впервые увидѣли мы жизнь, проявлявшуюся въ шумъ и суматохъ, въ разложенныхъ кострахъ и въ отчаянномъ крикѣ свиньи, которая, кажется, предназначалась намъ на ужинъ. Офицеръ, выѣзжавшій на встрѣчу, принялъ насъ теперь во дворѣ и повелъ въ комнату. Усадивъ насъ на возвышенной площадкѣ, подобной нарамъ, на которой стоялъ невысокій столикъ, уставленный блюдечками съ фруктами и чашками чаю, онъ повторилъ вопросы о моемъ здоровьи и о благополучномъ путешествіи, предложилъ свою трубку и затѣмъ указалъ на чай. Чиновникъ, казалось, готовъ былъ разорваться, чтобы только угодить намъ: онъ ходилъ около стола съ засученными до локтей рукавами, подкладывая намъ фрукты и кричалъ неистовымъ голосомъ богъ-вѣсть что и кому, и описывалъ руками въ воздухъ такіе знаки, которые по нашему могли имѣть значеніе: смотрите у меня! вотъ я васъ! живѣй! и т. п. Скоро пріѣхали и тѣ два калдая, которые шли

виѣстѣ съ нами изъ отряда и отстали передъ Турченемъ. Эти два почтенные старца готовы были бы кинуться намъ на шею, если бы то дозволяли китайскіе обычаи: такъ они были рады видѣть насъ „у себя“, какъ они повторяли безпрестанно, пожимая намъ руки. Не смотря на усталость, они хотѣли быть около насъ, но я попросилъ ихъ не церемониться и отправиться отдохнуть, такъ какъ на другой день намъ предстояло сдѣлать опять пятьдесятъ верстъ.

Насъ чрезвычайно занимала обстановка квартиры. Въ ней не было ничего подобнаго нашему русскому: стѣна, вдоль которой шли нары, состояла изъ однихъ оконныхъ рамъ, залѣпленных бумагой, которыя, по причинѣ духоты, были теперь выставлены; потолокъ составляла бумага, въ одинъ листъ подлѣпленная къ камышевымъ прутинамъ, замѣнявшимъ наши балки. Какъ же удержать зимой здѣсь теплоту? подумали мы, и вдругъ замѣтили, что въ комнатѣ и печки нѣтъ. Это до того насъ заинтересовало, что мы пошли осматривать все попадавшееся намъ на пути. Впрочемъ, въ нашей комнатѣ и осматривать было нечего: въ ней, кромѣ наръ, были два русскихъ кресла стараго фасона и жаровня съ углями, на которой ставить чайникъ, чтобы онъ не остывалъ, и грѣютъ джунъ-джунъ. Намъ хотѣлось скорѣе осмотрѣть дворъ, казавшійся при въѣздѣ такимъ оживленнымъ. Дѣйствительно, мы и теперь нашли его такимъ же. Въ одномъ углу двора была устроена печь съ котломъ, около которой суетились нѣсколько человѣкъ. Со двора топились еще двѣ печи, уходившія трубами во внутрь нашей квартиры и отъ которыхъ былъ отводъ подъ наши нары. Полъ двора, вымощенный глиной, содержался въ безукоризненной чистотѣ; на немъ, въ разныхъ мѣстахъ, сидѣли кучками китайцы съ трубками и съ махалками изъ конскихъ волосъ отъ комаровъ и мошекъ. Въ конюшнѣ отыскалъ насъ посланецъ отъ хозяина, съ приглашеніемъ ужинать. Мы очутились опять на нарахъ, поджавши подъ себя ноги, и на этотъ разъ, съ китайскими палочками въ рукахъ, замѣняющими вилки. Кушанья намъ понравились: мы ѣли съ большимъ апетитомъ. Просидѣвъ болѣе часу за столомъ, мы пожалѣли, что не считали всѣхъ блюдъ; намъ казалось, что ихъ было не менѣе двадцати. Большая часть ихъ состояла изъ свинины, но приправы такъ измѣняли ее, что блюда не походили одно на другое. Послѣ ужина мы почувствовали, что языки у насъ

горѣли отъ перцу и другихъ приностей. Ночь, по причинѣ духоты, мы почти не спали, проснулись рано, когда еще весь дворъ былъ заваленъ, будто трупами, спящими китайцами.

За что Турченъ носить названіе города, и сказать трудно: ни народу тамъ не видать, ни торговли, ни даже общественныхъ зданій. Дорога отъ этого будто-бы города шла мелкимъ лѣсомъ и пашнями; множество ручьевъ, теплыхъ и мутныхъ, орошаютъ почву и дѣлаютъ ее, какъ видно, очень плодородной; хлѣбъ еще не былъ сжатъ, хотя низко клонилъ стебли; солнце пекло такъ неистово, что у рѣднаго изъ насъ не распухли губы или не лупилась съ лица кожа. По словамъ бывавшихъ на Иртышѣ, между Бухтармою и Устькаменогорскомъ, это мѣсто имѣетъ съ тѣмъ много общаго и много общаетъ трудолюбивымъ хлѣбопашцамъ.

Въ десяти верстахъ отъ Турчена встрѣчается небольшое селеніе Джаръ-Кентъ; потомъ, еще черезъ десять верстъ, Тишканъ, а далѣе, верстъ черезъ пятнадцать, Акъ-Кентъ. Тутъ скоро и конецъ плодороднаго кусочка, который можно бы было назвать оазисомъ, если бы сейчасъ же начать рассказъ о страшныхъ пескахъ, которые отдѣляютъ его отъ подобныхъ же кусковъ и которые вдругъ прогнали все наше поэтическое настроеніе.

Лѣсъ становился мельче и рѣже; захрустѣлъ подъ копытами песокъ; жаръ охватилъ насъ съ новой силой. Мы съ грустью обернулись, чтобы проститься, до обратнаго пути, съ заманчивымъ оазисомъ. Песокъ становился глубже и глубже, дорога пошла слегка въ гору; показалось впереди что-то въ родѣ шлагбаума. Мы ожили, думая, что конецъ пескамъ; но дошли до шлагбаума, а впереди не было и слѣдовъ чего-нибудь живаго. Дорога направлялась перевалами, съ горы на гору, и упиралась опять-таки въ песокъ. То, что намъ казалось шлагбаумомъ, было, по объясненію толмача, только входомъ въ пески и состояло изъ трехъ высокихъ жердей съ протянутой веревкой, на которой висѣло множество бараньихъ косточекъ (лопатокъ) съ китайскими надписями. Толмачъ не могъ объяснить значенія косточекъ, а потому воображеніе рисовало намъ переходъ черезъ пески еще ужаснѣе. Идя назадъ по этому мѣсту, казаки такъ объяснили надписи: „кто ѣдетъ въ Кульджу, тотъ самъ будетъ сытъ, а конь его будетъ голоденъ“. Пески мы прослѣдовали благополучно, если не считать

за бѣду совсѣмъ засоренные глаза и голову, готовую треснуть подъ шапками. За песками явился новый барьеръ—быстрая и широкая рѣчка. Лошади еле держались на ногахъ: теченіемъ ихъ валило на бокъ; однако всѣ переправились благополучно. Снова мы вышли въ кустарники и чій, ростомъ выше человека на лошади, толщиною же чуть не въ пять разъ меньше мизинца; передъ нами опять роскошные колосья, тяжело клонимые вѣтромъ, опять густая трава.... При такой обстановкѣ мы незамѣтно добрались до города Чимпанзе.

Въ крѣпость Чимпанзе мы слѣдовали черезъ весь городъ, съ жадностію вематриваясь въ уличную жизнь китайцевъ. Но какая же это жизнь? Китайцы медленно, сонливо шатались отъ одной лавки къ другой или сидѣли и лежали съ трубками на порогѣ лавокъ и даже на срединѣ улицы, словомъ тамъ, гдѣ лѣнь окончательно одолѣвала сына небесной имперіи. Не слышно было шума; развѣ изрѣдка продавецъ фруктовъ прокричитъ, что у него есть яблоки и арбузы, или щелкнетъ длинный бичъ возницы, сидящаго на коробу высокой неуклюжей телѣги. И лошади, и собаки, точно изъ подражанія хозяевамъ, насилу передвигали ноги. Пыль, удушливый болотный запахъ, полунатіе китайцы, отъ рожденія немые, все это въ состояніи было отбить и у самаго любопытнаго охоту гулять по городу. Лавки, сплошныя по обѣимъ сторонамъ дороги, представляли очень непривлекательный видъ; закопченные внутри, онѣ уподоблялись скорѣе пещерамъ съ искусственными дверьми. Такъ какъ китаецъ никогда не оглядывается и дороги никому не даетъ, то мы шли медленно, шагъ за шагомъ, и были невольныя свидѣтелями многихъ жизненныхъ отпращиваній, которыми китайцы не стѣсняются на улицахъ.

У воротъ отведенной намъ квартиры встрѣтили насъ чиновники, присланные дзянь-дзюномъ (правителемъ Иллиской провинціи) для приѣма въ Чимпанзе и сопровожденія въ Кульджу. Квартира была вычищена, нары застланы коврами и столы уставлены множествомъ блюдецекъ со всевозможными фруктами. Парадная одежда чиновниковъ придавала еще больше торжественности нашему приѣму.

Услужливость китайскихъ слугъ меня поразила: едва только задумаешь набить себѣ трубку, какъ мальчишка чутъ не вырываетъ ее изъ рукъ, набиваетъ, а другой уже подскакиваетъ съ огнемъ. Не успеешь отпить четверти чашки чаю, какъ ее

убирають и подносятъ другую—горячую. Какая разница, подумали мы, между этими китайцами и тѣми, которыхъ видѣли мы на улицахъ! Я уже хотѣлъ раскрыть свою дорожную книжку и однимъ взмахомъ карандаша уничтожить строки, гдѣ называлъ китайцевъ и лѣнливыми, и сонливыми. Самымъ справедливымъ мнѣ казалось назвать ихъ услужливыми, живыми, деликатными. Но вотъ чиновники удалились, совѣтуя и намъ отдохнуть съ дороги. Мы остались только съ толмачемъ да съ китайской прислугой, которая сейчасъ же обступила насъ и безцеремонно толкалась, чтобы очистить себѣ дорогу. Когда намъ нужно было огня, мы едва-едва могли добиться его черезъ полчаса; когда толмачъ приказывалъ принести то, что мы просимъ, полусонный слуга кивалъ отрицательно головой, усаживался возлѣ насъ и дремалъ. Иногда толмачъ, тоже порядочный соня, выйдетъ изъ себя и бросится на слугу съ кулакомъ; а слуга, не торопясь, пересядетъ на другое мѣсто, вполне убѣжденный, что у толмача неостанется ни силы, ни охоты потянуться къ нему. Вскорѣ по приходѣ въ Чемпанзе, мы просили послать кого-нибудь съ нашимъ казакомъ на базаръ купить для лошадей немного ячменя или пшеницы; намъ обѣщали, но къ вечеру не только ячменя или пшеницы, да и сѣна не было... А намъ все говорили, что уже послано.

Когда пришелъ къ намъ калдай, мы выразили ему неудовольствіе на то, что наши лошади голодаютъ. Онъ прикрикнулъ на тѣхъ, кто подвернулся, и къ полуночи доставили кормъ нашимъ лошадямъ. Если бы съ нами не сѣлились къ столу калдай, то, я думаю, и насъ бы не кормили.

Съ тяжелымъ впечатлѣніемъ вышли мы изъ Чемпанзе на голодныхъ лошадяхъ и боялись думать о томъ, что насъ ждетъ еще въ Кульдѣ. До нея оставался день ходу.

Великолѣпныя мѣста, по которымъ шла дорога, не давали намъ слишкомъ чувствовать усталости. Верстъ за пятнадцать отъ Кульдѣ, мы остановились у мельницы на небольшой рѣчкѣ, на которой стояло дунгенское селеніе, нынѣ разоренное китайцами. Слѣды большихъ каменныхъ построекъ и двѣ-три полуразвалившіяся стѣны, сады, окруженные высокими заборами, холмистая мѣстность, постоянный шумъ водяной мельницы, все это хотя и придавало мѣстности нѣсколько угрюмый характеръ, за то рѣзко отличало ее отъ другихъ разоренныхъ селеній, попадавшихся намъ на пути.

Въ кульджинскую крѣпость насъ повели черезъ весь городъ, чтобы показать, до какой степени онъ разрушенъ. Дѣйствительно, мы города вовсе не видали. Если бы китайское начальство не распорядилось передъ крѣпостію отогнать отъ насъ свой конвой, поднявшій всю пылъ изъ впадинъ и колеи дороги, то мы задохлись бы и, конечно, не увидѣли бы и крѣпости. Мы приостановились, чтобы перевести духъ и дать время китайскому конвою удалиться.

Когда пылъ улеглась, мы увидѣли себя у крѣпостной стѣны, вдоль которой было вытянуто въ одну линію китайское войско, назначенное для нашей встрѣчи. Догадаться, что это дѣйствительно войско, можно было только по костюмамъ, носившимъ еще слѣды единообразія, и по оружію, состоявшему главнымъ образомъ изъ пикъ. Не только лица воиновъ не имѣли въ себѣ ничего воинственнаго, но и возрастъ ихъ, или очень юный, или очень престарѣлый, показывалъ, что они чуть ли не въ первый разъ вооружились себѣ самимъ на смѣхъ. Мнѣ кажется, что стоило большаго труда удержать ихъ на мѣстѣ, а не только заставить не шевелиться. Въ то время, какъ мы проѣзжали, одни смотрѣли на насъ съ удивленіемъ, другіе, должно быть отъ смѣху, прятались за спины товарищей, а одинъ преусердно занимался подрѣзываніемъ своей кривой пики, которая, какъ я замѣтилъ, и безъ того была короче, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Квартиру намъ отвели въ казенномъ домѣ, въ который можно было попасть пройдя съ улицы три двора. На крыльцѣ, подъ навѣсомъ, встрѣтили насъ восемь калдаевъ и провели въ комнату, гдѣ ужъ все было готово для нашего приѣма, т. е. на столахъ стояли фрукты и разныя печенья. Спросивши о здоровьи и благополучно ли мы доѣхали, двое изъ калдаевъ упрекнули насъ, зачѣмъ мы не пришли съ вспомогательнымъ отрядомъ. „Когда же придетъ отрядъ? Развѣ русскимъ не больно, что ихъ столѣтнихъ друзей обижаютъ дунгени?“ спрашивали насъ. Я отвѣчалъ на все согласно данной инструкции и обрадовался, что разговоръ на эту тему прекратился скоро. Пакетъ на имя дзянь-дзюна взяли отъ меня два калдая, его довѣренныя, говоря, что онъ просилъ насъ этотъ день отдохнуть, а самъ, между тѣмъ, прочтетъ и приготовить отвѣтъ. Четыре калдая остались при насъ безотлучно, вѣроятно, для того, чтобы мы не могли обращаться къ другимъ съ распросами.

Не проходило и получаса, чтобы одинъ изъ нихъ, послѣ обычнаго разговора, не заводилъ рѣчи про нашъ отрядъ, а затѣмъ не представлялъ бы, по возможности ярче, бѣдственное положеніе Кульджи. Китайцы смотрѣли на насъ какъ на передовыхъ и старались угождать намъ во всемъ, до малѣйшихъ мелочей. Слуги оспаривали одинъ у другаго случай услужить намъ тѣмъ или другимъ. Когда я спросилъ холодной воды, они всѣ разбѣжались въ разные стороны, и черезъ нѣсколько секундъ мнѣ поднесли трубку, огонь, чашку чаю, пирожное и проч. Каждый съ нетерпѣніемъ старался узнать, что именно изъ принесеннаго я просилъ; когда же я, заглянувъ въ чашку, отказался отъ нея и снова сталъ искать глазами, они опять всѣ скрылись и черезъ секунду поднесли мнѣ маленькую чашку джунъ-джуну (водки). Когда же я и отъ водки отказался, всѣ бывшіе налицо калдаи пришли въ недоумѣніе, засуетились и потребовали толмача. Они чрезвычайно удивились, узнавъ, что я хочу воды. Grimасы на ихъ лицахъ показали, что китайцы имѣютъ большое отвращеніе къ холодной водѣ, что и подтвердилось даннымъ мнѣ совѣтомъ не пить воду, какъ вредную для груди.

Начавъ съ того, что у русскихъ есть свои привычки, отличныя отъ китайскихъ, наши хозяева опять перешли къ своей любимой темѣ. „Отчего бы — говорили они — русскимъ не помочь намъ противъ дунгеной? Завладѣвъ дунгенскими городами, русскіе получили бы имущество дунгеной, ихъ женъ и дѣтей.“ Между тѣмъ, вернулись отъ дзянь-дзюна тѣ два калдая, которые получили отъ меня пакетъ на его имя. Эти два чиновника рѣзко отличались отъ другихъ какъ своими фizioноміями, такъ и обращеніемъ. Можно сказать, что только по костюму и по косамъ они не походили на европейцевъ.

Деликатность, развитая до высокой тонкости, осторожность въ разговорѣ, искусное владѣніе своей фizioноміей и неторопливость въ высказываніи главной цѣли всей длинной бесѣды съ нами, свидѣтельствовали, что китайцы опытные политики. Когда взглянешь на ихъ сухія фигуры и на ихъ пальцы, съ длинными ногтями, способные владѣть только кисточкой, которой пишутъ вмѣсто пера, да на ихъ дорогой костюмъ, увѣшанный разными мѣшочками, между которыми нѣтъ и мѣста для оружія, и увидишь вмѣстѣ съ тѣмъ работѣлство передъ ними инородцевъ изъ племени салонъ и сябо, людей по боль-

шей части коренастыхъ, то невольно задашь себѣ вопросъ: въ чемъ же заключается сила манджуровъ?

Страсть китайцевъ говорить неправду обнаруживалась на каждомъ шагѣ. Узнать отъ нихъ что-нибудь было чрезвычайно трудно. Они окружили насъ своей свитой, которая, подъ видомъ почестей, старалась удалить отъ насъ всякую возможность что-нибудь видѣть или разсматривать. Это я замѣтилъ скоро по пріѣздѣ въ Кульджу: мы не имѣли уголка, гдѣ бы можно было пріютиться и незамѣтно написать нѣсколько строкъ. Ажурная комната, гдѣ намъ отвели однѣ нары, покрытыя коврами и подушками, походила на гостиницу. Въ ней толкались постоянно мальчишки, слуги, разные чиновники съ бѣлыми шариками (урядники), толмачи, нерѣдко повара и даже тѣ, которые мели нашъ дворъ. Если я вынималъ изъ кармана клочокъ бумаги и карандашъ, меня обступали со всѣхъ сторонъ, и тотчасъ же появлялся въ комнатѣ одинъ изъ калдаевъ. Черезъ три часа по пріѣздѣ въ Кульджу, я вполне испыталъ всю тягость невольнаго плѣна: сколько я ни придумывалъ, какъ бы освободиться отъ свиты, ничего не могъ выдумать такого, что бы давало мнѣ возможность и записывать мною замѣченное, и не возбуждало бы въ китайцахъ подозрѣній. Оставаясь нѣсколько часовъ подъ пронизательными, неотвѣзчивыми взглядами, я все еще надѣялся, что, можетъ быть, это одно только любопытство прислуги; но когда я вздумалъ наконецъ снять съ себя мундиръ и отдохнуть и попросилъ удалиться всѣмъ и запереть дверь, то двое изъ прислуги пантомимами объяснили мнѣ, что они не могутъ уйти, что имъ приказано оставаться неотлучно при мнѣ. Подобное стѣсненіе предупреждало меня, что надежды мои собрать положительные свѣдѣнія, согласно инструкціи, едва-ли удадутся. Одна мысль объ этомъ разомъ прогнала мою усталость. Я хотѣлъ скорѣе удостовѣриться, на сколько я свободенъ въ Кульджѣ. Надѣвъ сюртукъ и перчатки, я попросилъ толмача пройти со мною по городу. Толмачъ, не давая отвѣта, сталъ смотрѣть по сторонамъ, будто ждалъ кого-то, и наконецъ вышелъ. Спустя нѣсколько минутъ, я послалъ его разыскивать. Дорожный, тяжелый на подъемъ толмачъ, возвратившись черезъ четверть часа, отмахивался тряпичкой отъ мухъ и, казалось, вовсе не спѣшилъ идти со мною. „Какъ же идти безъ калдая? сказалъ онъ наконецъ, видя мое нетерпѣніе. — Скоро обѣдъ будетъ готовъ.“ Дѣйствительно, тотчасъ же по-

казался во дворѣ амбо (генералъ), а затѣмъ слуги начали устанавливать на столѣ кушанья. Было пять часовъ пополудни.

Обѣдъ тянулся невыносимо долго: кушаньямъ не было счету. Подали сладкія лепешки — я обрадовался, полагая, что всему конецъ, и всталъ изъ-за стола, но нѣсколько калдаевъ меня усадили опять и сказали, что теперь будемъ обѣдать, а до сихъ поръ только закусывали. Обѣдъ отличался отъ закуски только тѣмъ, что кушанья по большей части были горячія. Я порывался нѣсколько разъ встать, но напрасно. Калдай по дипломатической части предложилъ мнѣ, для большаго аппетита, во время обѣда смотрѣть комедію. Скоро привели въ нашу комнату, полную и безъ того народомъ, трехъ женщинъ и двухъ музыкантовъ. Какого сорта были эти женщины, пояснять не нужно; онѣ смѣло подходили къ нашему столу, пили джунъ-джунъ не меньше, чѣмъ калдай, и вели себя развязно. Калдай по дипломатической части пользовался, какъ видно, ихъ большимъ расположеніемъ: онѣ садились къ нему на колѣни и пили съ нимъ изъ одной чашки джунъ-джунъ. Изъ трехъ не было ни одной хорошенькой; всѣ имѣли отвратительные зубы. Впрочемъ, это были не манджурки, а каракитайки. Одежда ихъ состояла изъ длинныхъ синихъ платьевъ, въ родѣ рубашекъ съ широкими рукавами, панталонъ и башмаковъ съ деревянными каблуками подъ весь слѣдъ, чрезвычайно неудобныхъ для ходьбы; на рукахъ браслеты, въ рукахъ по вѣру, въ ушахъ серьги. Длинные густыя косы, какъ я послѣ разсмотрѣлъ, были составныя. По милости комедіантокъ, обѣдъ нашъ такъ затянулся, что и конца ему не предвидѣлось: въ восемь часовъ вечера мы еще сидѣли за столомъ.

Два музыканта, одинъ съ инструментомъ, похожимъ на нашу балалайку, другой съ чѣмъ-то въ родѣ маленькаго барабана, съ придѣланнымъ клиномъ и натянутыми струнами, въ ожиданіи приказанія играть, настраивались и издавали самые непозволительные звуки. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я что покажутъ намъ комедіантки. Судя по костюму и по башмакамъ, позволявшимъ имъ едва передвигать ноги, нельзя было и думать о гимнастическихъ представленіяхъ; аппаратовъ для фокусовъ не было приготовлено; притомъ, въ теченіе какого-нибудь часа, переходя отъ одного калдая къ другому, комедіантки такъ выпили, что едва-ли, при всемъ искусствѣ въ чемъ-нибудь,

могли показаться мастерицами своего дѣла. Около полуночи подали вареный рисъ. Я обрадовался; мнѣ казалось, что это блюдо должно быть послѣднимъ: казаки еще въ Чимпанзе замѣтили, что китайцы народъ благочестивый: въ день два раза, въ концѣ обѣда и ужина, непременно рисомъ помянуть родителей. Калдай по дипломатической части сказалъ что-то на ухо одной изъ комедіантокъ и пересадилъ ее ко мнѣ на колѣни. Я сконфузился.... Онъ удивился и спросилъ меня потихоньку, чрезъ толмача: если не эта, то которая мнѣ больше нравится? Я указалъ на самую некрасивую. Калдай подозвалъ ее и посадилъ со мною рядомъ. При двухъ тусклыхъ сальныхъ свѣчахъ, въ комнатѣ было мрачно и отъ дыма; половина, отдѣленная аркой, оставалась совершенно въ тѣни; тамъ густою толпой шевелился народъ. Утомленный пятидесятиверстнымъ переходомъ по жарѣ, я сталъ дремать; но, чувствуя, что на моихъ плечахъ лежитъ рука того или другаго калдая, желавшаго мнѣ выразить этимъ свое расположеніе, я, чтобы прогнать дремоту, просилъ начать скорѣе фокусы. Разостлали на полу маленький коверъ; на него стала одна изъ комедіантокъ. Заиграла музыка, какъ могла, вполне оправдывая то, что можно было ожидать отъ инструментовъ, а затѣмъ послышался самый пронзительный голосъ комедіантки, похожій скорѣе на кошачій, чѣмъ на человѣческій. Комедіантка раскрыла вѣрть и ходила взадъ и впередъ по коврику, балансируя, чтобы не упасть при высокихъ нотахъ. Отвратительно было смотрѣть на этотъ сжатый ротъ, изъ котораго вылетали острые звуки. Первые минуты я ожидалъ, что калдаи остановятъ пѣвицу. Не тутъ-то было. Калдаи притихли и повѣсили на грудь головы, мѣрно покачиваясь въ тактъ пѣвицы. Мнѣ даже совѣстно стало, что въ Кульдѣжѣ не нашлось ничего лучшаго для нашихъ ушей. Все пѣніе состояло изъ того, что мы называемъ фальшемъ, и оно тянулось какъ китайскій обѣдъ. Потерявъ надежду, что комедіантка кончитъ, я самъ предложилъ ей отдохнуть, замѣтивъ, что брать такія высокія ноты чрезвычайно трудно. Подали фрукты. Часы мои показывали два пополночи. Я зѣвнулъ. Калдай отвелъ меня въ сторону и пантомимами сталъ объяснять мнѣ то, къ чему я приготовился съ самаго прихода комедіантокъ. Я отрицательно кивнулъ головой. Это взбѣсило его. Скоро и другіе калдаи обступили меня и кто, какъ могъ, жестикулировалъ знаками „доброй ночи“... Калдаямъ очень хотѣлось, что-

бы мнѣ понравилась хоть одна изъ комедіантокъ. Послѣ долгаго совѣщанія между собой, они приказали опять играть музыкѣ и вывели на коврикъ другую комедіантку. Пѣніе этой мнѣ показалось лучше, или потому, что она, въ самомъ дѣлѣ, пѣла лучше, или я уже прислушался къ китайской вокальной музыкѣ. Пѣвица еще не кончила, какъ я, сидя у стѣнки, вздремнулъ. Меня разбудилъ поцѣлуй той комедіантки, на которую я указалъ, что она больше мнѣ нравится. Можетъ быть, пѣніе продолжалось бы до утра, если бы калдаи не поняли наконецъ, что мнѣ съ дороги нуженъ покой.

Рано утромъ, когда еще всѣ китайцы спали, я проснулся отъ докучливыхъ мухъ и духоты. Воспоминаніе о бесполезно-проведенныхъ суткахъ лежало у меня на сердцѣ камнемъ. Я разбудилъ казака и, пользуясь полученнымъ вчера правомъ осматривать городъ, вышелъ на улицу. Тамъ уже лѣниво шевелился народъ. Я направился по менѣе люднымъ улицамъ, съ цѣлю дойти до крѣпостнаго вала и осмотрѣть его вооруженіе. Мы пришли прямо къ лѣстницѣ, ведущей на стѣну. Тутъ на насъ наскочилъ конный китаецъ, одинъ изъ прислуги при нашей квартирѣ. Впопыхахъ онъ говорилъ что-то по-китайски; но не нужно было знать этого языка, чтобы догадаться, въ чемъ дѣло. Я хладнокровно отвѣчалъ: „уо-бу-джидау“ (не понимаю), и продолжалъ карабкаться по лѣстницѣ. Китаецъ соскочилъ съ лошади, полѣзъ за нами и что-то съ жаромъ рассказывалъ другимъ китайцамъ, вышедшимъ изъ будки, въ которой они жили на валу. Пока онъ разговаривалъ, мы уже ощупывали пушку, отвязывали втулку и подлотъ. „Хинъ-хау“ (очень хорошо)—повторялъ я, вставляя втулку и давая китайцу папироску. Догнавшій насъ слуга успокоился; онъ вмѣстѣ съ другими, пока мы ходили вокругъ пушки, дотрогивался до моего платья, гладилъ по погову и тоже повторялъ: „хинъ-хау“. Но когда мы вздумали идти далѣе по валу, онъ энергически указалъ на ту же лѣстницу; потомъ, повторяя слово „калдай“, объяснилъ пантомимами, что меня дожидаются пить чай. Нечего дѣлать: мы спустились съ вала и пошли домой. Никакого калдая въ нашей квартирѣ не было, никто насъ не дожидался и чай еще не былъ готовъ. До полудня меня не выпускали изъ комнаты и довольно тонко замѣтили, что все слѣдуетъ дѣлать въ часы, которые назначить дзянь-дзюнь. Я понялъ въ первый же день нашего прибытія въ Кульджу, что дзянь-дзюню выгодно держать насъ въ

Кульдѣжъ какъ можно долѣе: во-первыхъ потому, что, при нашемъ появленіи, дунгени сейчасъ же отступили отъ города и въ тотъ же день не было сдѣлано ими на пашняхъ ни одного убійства; во-вторыхъ, дзянь-дзюнъ былъ твердо увѣренъ, что мы составляемъ только авангардъ большаго отряда, почему онъ даже предлагалъ намъ совсѣмъ остаться въ Кульдѣжѣ, пока не подойдутъ другія наши войска. Основываясь на этомъ, я рѣшился выбраться на свободу. Когда пришелъ калдай, я объявилъ ему, что сегодня же намѣренъ выѣхать изъ Кульдѣжи; это его до того озадачило, что онъ ничего не нашелся мнѣ сказать и сейчасъ же отправился къ дзянь-дзюну. Скоро собрались у меня всѣ калдаи съ просьбою пожить еще нѣсколько дней. Я отговаривался тѣмъ, что лошади голодаютъ, что здѣсь больше дѣлать нечего, ибо вся цѣль моего пріѣзда была только отдать губернатору пакетъ.

Китайцы и слышать не хотѣли: они настаивали, чтобы я подождалъ и былъ свидѣтелемъ ихъ сраженій съ дунгенями. Мало по малу они уступили моему любопытству осмотрѣть весь городъ и крѣпость и даже обѣщали свозить меня въ отрядъ, стоявшій передъ Кульдѣжою. Я, съ своей стороны, уступилъ имъ одинъ день. Такъ какъ до обѣда оставалось еще довольно времени, то я отправился по лавкамъ, узнать цѣны на разные товары. Лавки, по большей части, были или заперты, или совсѣмъ пусты. Поляе другихъ оказались аптечныя и со старымъ платьемъ. Чаю въ продажѣ кромѣ фу-чи (кирпичнаго) совсѣмъ не было, да и этого плитка въ пять фунтовъ стоила 10 р. Всѣ вообще товары, которые мы видѣли, были запылены и измяты. Вся Кульдѣжа какъ будто донашивалась, ничто не отзывалось новизной: ни новаго платья не было ни на комъ видно, ни новой постройки, ни новой тележки, ни одного свѣжаго лица. Цѣны на все были до того высоки, что не стоило покупать: за дрянной кошелекъ, стоимшій прежде 50 к., просили 3 р. Столы на базарѣ были завалены зеленью. Въ лѣниво-движущихся массахъ трудно было отличить продавцовъ отъ покупателей. Кажется, никто особенно не желалъ что-нибудь скорѣе сбыть съ рукъ или пріобрѣсть. Мы часто были свидѣтелями, какъ покупатель ждалъ нѣсколько минутъ, пока продавецъ лѣниво потянется къ спрашиваемой вещи и потомъ не вдругъ еще вымолвить слово. Толмачъ нашъ въ каждой лавкѣ усаживался на стулъ или на порогъ, и намъ

большаго труда стоило сдвинуть его съ мѣста, чтобы идти далѣе. Этой-то днѣю толмача я и воспользовался какъ нельзя лучше при прогулкѣ по валу. Онъ не успѣвалъ ходить за мною, и я не торопясь записывалъ на клочкахъ бумаги все что желалъ замѣтить.

Крѣпость Кульджа имѣетъ видъ квадрата со стороною около двухъ верстъ. Стѣны глиняныя, зубчатыя, съ бойницами, толщиной на средней высотѣ до 2 сажень, а вышиною до 4 сажень. Главное вооруженіе крѣпости составляютъ три пушки, изъ которыхъ одна въ 10 четвертей, при калибрѣ въ 2 вершка; она изъ чугунаго цилиндра, облитая мѣдью, со стѣнками въ $\frac{1}{2}$ дюйма. Каналъ ея шероховатъ; стрѣляетъ дурно чугунными отлитыми ядрами. Станокъ имѣетъ видъ простой, двухколесной тележки, съ поставленною на оси рамой, служащей подушкой для орудія. Оглобли отпущены на площадку, и концы ихъ завалены камнями, для удержанія отката, который произвелъ бы паденіе орудія со стѣны. Двѣ другія пушки были въ такомъ же родѣ, только меньшаго калибра. Остальныя орудія откованы изъ желѣза, длиною до 5 четвертей, а калибромъ около полутора вершка; они придѣланы къ лоламъ и упираются на рожки. Въ углахъ вала построены башни, назначеніе которыхъ опредѣлить трудно. Верхній ярусъ ихъ похожъ на балконъ и снабженъ кругомъ створчатыми дверьми; нижній, безъ оконъ, служитъ жилищемъ для сторожей. Въ одной изъ башенъ, я увидѣлъ мальчика лѣтъ 14-ти, прикованнаго за шею къ стѣнѣ. „Это преступникъ“, сказалъ мнѣ толмачъ; но, по моему, онъ былъ скорѣе похожъ на смѣшную обезьяну, чѣмъ на преступника. Когда-то бритая голова его обросла кругомъ и волосы торчали какъ на щеткѣ. Глаза одичалые, но добрые. Не видно было, чтобы узникъ страдалъ въ заточеніи. Сначала онъ удивился, увидѣвъ насъ, и спряталъ кусокъ чего-то съѣстнаго, не успѣвъ запихать въ полный и безъ того ротъ; потомъ все время улыбался и ощупывалъ мой сюртукъ. Я стоялъ возлѣ мальчика такъ близко, что онъ могъ обходить меня кругомъ; но когда я мало по малу сталъ отдаляться, цѣпь не позволяла ему слѣдовать за мною; онъ рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ, глаза его налились кровью, ребяческое, наивное выраженіе лица исчезло, но все-таки не обличало преступника. Уже послѣ того, какъ толпа наша отхлынула отъ двери, мальчикъ все еще переминался, натягивая шейю цѣпь, потомъ за-

ходилъ быстрыми шагами, не отводя отъ насъ глазъ, и сѣлъ. Мнѣ интересно было знать: какое онъ совершилъ преступленіе и сколько времени сидѣть на цѣпи.

Мнѣ сказали, что мальчикъ былъ назначенъ къ пушкѣ и медленно подавалъ заряды при стрѣльбѣ въ дунгеней; сидѣть три мѣсяца и будетъ сидѣть, пока дзянь-дзюнь не вспомнитъ о немъ. Когда мы возвращались мимо этой башни, я видѣлъ юнаго узника сидящимъ на корточкахъ: онъ утиралъ кулакомъ слезы. Встрѣчалъ я много на улицахъ Кульджи преступниковъ, съ надѣтыми на шею квадратными, въ аршинъ или нѣсколько больше, досками, но они были люди взрослые, самыя лица которыхъ говорили не въ ихъ пользу. Пожалѣлъ я бѣднаго мальчика, осужденнаго женоподобнымъ дзянь-дзюномъ, правителемъ гнилаго и безвозвратно-испорченнаго племени.

Вспомнивъ, что въ этотъ день, въ два часа, дзянь-дзюнь назначилъ намъ аудіенцію, я поспѣшилъ домой и, надѣвши парадную форму, пошелъ въ сопровожденіи двухъ калдаевъ къ квартирѣ дзянь-дзюна. По обѣимъ сторонамъ дороги стояло китайское войско, до самаго крыльца, гдѣ ожидали насъ еще два калдая, одинъ изъ которыхъ, при нашемъ приближеніи, ушелъ, вѣроятно доложить, а другой растворилъ дверь. Прежде всего намъ бросилась въ глаза шеренга калдаевъ, уже знакомыхъ мнѣ: они стояли по старшинству, на вытяжкѣ, въ парадныхъ синихъ платьяхъ, съ короткими капишонами и въ шляпахъ съ каменными шариками, означающими чины. Въ переднемъ углу, за столомъ, уставленнымъ блюдечками, сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, довольно красивый, въ желтой шелковой ажурной рубашкѣ. Это былъ дзянь-дзюнь. Онъ всталъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, пожавши мнѣ руку, указалъ на стулъ возлѣ другаго стола, такъ же убраннаго, какъ и его. Я очутился насупротивъ дзянь-дзюна. Нѣсколько секундъ длилась глубокая тишина; только двое слугъ, одинъ у стола дзянь-дзюна, другой у моего, судорожно помахивали шелковыми флагами надъ блюдечками. Я спросилъ дзянь-дзюна о здоровьѣ; онъ же пожелалъ узнать: благополучно ли я доѣхалъ, и какъ, съ 15 казаками, я не побоялся дунгеней? Подали чай. Дзянь-дзюнь задалъ мнѣ нѣсколько официальныхъ вопросовъ, на которые я отвѣчалъ согласно инструкціи. Съ китайскаго толмача повалился потъ градомъ отъ безпрестанныхъ присѣданій на одно колѣно, что онъ дѣлалъ при передачѣ дзянь-дзюну моихъ отвѣтовъ. Я въ

душѣ порадовался, что на долю лѣнниваца выпало столько моціона. Дзянь-дзюнь снялъ съ своей чайной чашки крышку; нѣсколько калдаевъ, подскочивши ко мнѣ, сдѣлали то же съ моей чашкой. Дзянь-дзюнь показалъ мнѣ, что онъ пьетъ чай; я тоже поднесъ чашку къ губамъ. Дзянь-дзюнь взялъ съ блюбочекъ нѣсколько фруктовъ; калдаи, выскочивъ изъ шеренги, въ одно мгновеніе положили возлѣ моей чашки тѣхъ же фруктовъ. Подали джунъ-джунъ. Дзянь-дзюнь задалъ мнѣ нѣсколько частныхъ вопросовъ въ родѣ: женатъ ли я? почему не женатъ?... нѣтъ ли у меня дѣтей? есть ли братья и сестры?... Получивъ позволеніе осмотрѣть факторію, я раскланялся. Дзянь-дзюнь спросилъ, когда я желаю его принять. На отвѣтъ мой: завтра, онъ полюбопытствовалъ узнать: люблю ли я жареныхъ поросятъ. „Люблю“, отвѣчалъ я, и отправился гулять въ чертъ крѣпости. На этотъ разъ толстый толмачъ привелъ ко мнѣ другаго толмача, отговариваясь усталостію. Я былъ очень радъ, что его помощникъ былъ легче на подъемъ и откровеннѣе. Онъ рассказывалъ мнѣ про многое, что я хотѣлъ знать; водилъ меня въ мастерскую, гдѣ исправляютъ неправильную форму ядеръ, дурно отливаемыхъ, и куютъ пули.

За обѣдомъ калдай-дипломатъ опять предложилъ слушать вчерашнихъ пѣвицъ, и хотя я отказался отъ этого удовольствія, однако калдаи, предполагая, что мнѣ не могли понравиться именно вчерашнія артистки, привели другихъ.

Обѣдъ начался, на этотъ разъ, жаренымъ поросенкомъ, присланнымъ мнѣ отъ дзянь-дзюна. Едва былъ раскрытъ подносъ и калдаи увидѣли, что на немъ поросенокъ, какъ всѣ вскочили и съ какимъ-то торжествомъ поставили его на столъ. Нельзя было не подивиться искусству китайскихъ поваровъ. Зажаренный поросенокъ лежалъ на мелкой травкѣ, со вкусомъ подобранной и переплетенной цвѣтами; поджавши подъ себя ноги и наклонивъ слегка голову, онъ лежалъ такъ ловко и спокойно, будто его во время сладкаго сна обчистили и зажарили. Шкурка, коричнево-вишневаго цвѣта, блестѣла какъ полированная. Вкусомъ же поросенокъ превзошелъ всякое ожиданіе. Мы въптеромъ съѣли его не болѣе, какъ въ пять минутъ, не оставя, кромѣ голыхъ косточекъ, ровно ничего. Впослѣдствіи мнѣ случилось видѣть цѣлую свинью, приготовленную для варки; кожа ея была бѣлая и блестѣла какъ слонобая кость. Китайскіе повара имѣютъ для этой операціи инструментъ, очень похожій на

наши скребницы, которыми чистятъ лошадей; только зубчатая полоска скребницъ замѣнены у нихъ ножами.

Къ концу обѣда, въ нашей комнатѣ негдѣ было повернуться: такъ она наполнилась народомъ. Калдаи безобразничали донельзя; комедіантки походили на фурій, и все это въ виду слугъ и всякаго сброда. Усѣвшись на нарахъ поодаль отъ центра безобразія, я никакъ не могъ согласить подобной оргіи съ критическимъ положеніемъ китайцевъ въ Кульдѣжѣ. Я зналъ, что они днемъ боятся выходить за крѣпостныя ворота; я видѣлъ, до какой степени народъ бѣденъ, слышалъ, передъ обѣдомъ, отъ калдаевъ, что имъ грозитъ поголовная смерть, если русскіе не помогутъ...

Мѣсто, занимаемое русскою факторіей, мнѣ очень понравилось. Глиняный плотный заборъ надъ оврагомъ, выдающаяся высоко, недоконченная церковь и другія внутреннія постройки, всѣ теперь разрушенныя, кромѣ ряда лѣтнихъ лавокъ, можно было признать остатками какого-нибудь монастыря, если бы при факторіи находился садъ. Слухи о разореніи факторіи различны. Нельзя утвердительно сказать, кто именно виноватъ въ ея сожженіи. Хотя китайцы и обвиняють дупгеней, но сами путаются и навлекаютъ на себя подозрѣніе. Впрочемъ, поврежденія въ домахъ факторіи такого рода, что могутъ быть легко исправлены. Тутъ, какъ мнѣ кажется, главное дѣло въ лавкахъ: лѣтнія лавки цѣлы, зимнія полуразрушены, и если будутъ охотники торговать, то немного задумаются надъ приведеніемъ ихъ въ порядокъ.

Домъ консула полусломанъ; но, глядя на это большое зданіе, которое, послѣ церкви, первое выдается надъ всѣмъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: неужели въ консулѣ главное дѣло? неужели, еслибъ его совсѣмъ не было, пострадала наша торговля? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, который я задалъ себѣ мысленно, стоя въ оградѣ факторіи, три мѣсяца тому назадъ, отчасти получается теперь, когда прошла по нашей степи первая вѣсть объ улучшеніи дѣлъ въ Кульдѣжѣ. Консула тамъ нѣтъ, а какія славныя въ торговомъ мірѣ дѣла совершаются теперь безъ него! Всѣ торговые люди бросились изъ степи толпами въ Кульджу, не нуждаясь ни въ одномъ конвойномъ отъ правительства. Пріѣдутъ туда и, не доходя до мѣста, гдѣ стоитъ факторія, сбудутъ весь свой товаръ, навьючатъ снова своихъ верблюдовъ и торопятся въ путь, чтобы, пользуясь благоприят-

ными обстоятельствами, еще разъ явиться съ товарами. А пронесись опять по степи первая дурная вѣсть, и ни одинъ торговецъ не захочетъ идти въ Кульджу, хотя бы туда и прибылъ нашъ консулъ. Дѣло въ томъ, что нашъ казачій конвой, живя въ факторіи, не можетъ охранять пути отъ Югонь-Таса до Кульджи. Если бы на кульджинскаго консула возложена была обязанность наблюдать за пространствомъ, положимъ, въ 200 верстѣ, то для этого потребовался бы не конвой, а цѣлый отрядъ; да и самое консульство пришлось бы ввѣрить лицу военному. Китайцы просили въ Кульджу нашего консула „съ большимъ отрядомъ“ — доказательство, что имъ, главное, нуженъ отрядъ, а не консулъ. Случай же, когда кульджинскій консулъ являлся бы представителемъ Россіи, мнѣ кажется, могли бы быть только тогда (и то на короткое время), когда илійскій дзянь-дзюнъ получилъ бы отъ своего правительства такое же полномочіе. Между тѣмъ, власть дзянь-дзюна очень ограничена. Меня очень удивило, что факторія наша расположена отъ крѣпости на порядочную дистанцію. Изъ разсказовъ казаковъ, служившихъ тамъ годъ тому назадъ, видно, что китайцы хотя и вели торговлю съ нашими купцами, но всегда показывали видъ самый недружелюбный. Русскимъ не позволяли ходить въ крѣпость иначе, какъ по билету или съ бумагами отъ консула къ дзянь-дзюну. Въ то время наша факторія съ консуломъ была такъ же необходима, какъ необходимы секунданты при дуэли. Теперь другое дѣло: Кульджа обносилась до того, что китайцы готовы подраться за кусокъ продажной тряпки, привезенной изъ Россіи. Торговля, возникшая при теперешнемъ положеніи дѣлъ въ западномъ Китаѣ, идетъ такъ хорошо, что, мнѣ кажется, всякое внѣшнее вліяніе со стороны нашего консульства послужило бы только ко вреду ея.

Выше я замѣтилъ, что китаецъ отличается сонливостію, неподвижностію. Съ самаго утра вся его фигура являетъ чело-вѣка утомленнаго, словно онъ много дѣла передѣлалъ. Добиться отъ кого-нибудь чего-нибудь, хотя бы фунта пшеницы для лошади, было такъ трудно, что мы скоро совсѣмъ перестали хлопотать объ этомъ, и съ удовольствіемъ помышляли, какъ бы поскорѣе убраться изъ Кульджи. Дѣло стояло только за свѣдѣніями, которыя я долженъ былъ собрать, согласно данной мнѣ инструкціи. Но собрать-то ихъ было трудно. Чтобы узнать

цѣны хотя на живность, на примѣръ, нужно было прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и затѣмъ брать среднее изъ многихъ показаній.

Зная, что мое справедливое замѣчаніе о недостаткѣ въ Кульдѣ чаю можетъ имѣть вліяніе на нашихъ купцовъ, кагдаи старались меня увѣрить въ противномъ, доводя число цибиковъ до невѣроятной цифры. Недолго думая о способѣ обмануть меня, они горячо принялись объяснять, что для чаю у нихъ есть особыя кладовыя, что и было причиной, почему я, ходя по лавкамъ, сдѣлалъ ошибочное заключеніе. Завтра они хотѣли показать мнѣ свои чайные лабиринты. Я, въ самомъ дѣлѣ, начиналъ имъ вѣрить. Наступило завтра. Въ полдень собрались у меня кагдаи, но о чаѣ ни слова. Когда я имъ напомнилъ о немъ, они послали за ключами, а сами, вѣчными распросами о нашемъ отрядѣ, дотянули время до обѣда, который, конечно, съ умысломъ былъ продолженъ до глубокой ночи. А ключи все не отыскивались... На слѣдующій день я спѣшилъ окончить свои замѣчанія о Кульдѣ и настоятельно просилъ кагдаевъ поторопиться, если они хотятъ мнѣ показать чай; иначе—прибавилъ я—я не буду имѣть права увѣрить нашихъ купцовъ, что въ Кульдѣ чаю много. Кагдаи засуетились, сходили нѣсколько разъ куда-то, поочередно, говоря, что къ дзянъ-дзюну, наконецъ, передъ обѣдомъ, повели меня черезъ густой садъ въ большой домъ, порядочно запущенный, и, показывая на разныя пристройки, объясняли, что это временное помѣщеніе подъ нашу факторію, и что здѣсь есть мѣсто и для отряда, который придетъ съ консуломъ. Дѣйствительно, китайцы, какъ видно, позаботились о русскомъ отрядѣ и не пожалѣли для него мѣста: въ зданіяхъ можно было размѣстить цѣлый полкъ. Всѣ постройки, не исключая и того отдѣльнаго дома, гдѣ жилъ когда-то самъ дзянъ-дзюнь, были въ самомъ неряшливомъ видѣ. Онѣ состояли изъ кирпичныхъ стѣнъ со многими ажурными перегородками; полъ былъ выложенъ камнемъ; потолокъ, какъ и вездѣ, замѣняла подклеенная къ камышевымъ прутикамъ бумага въ одинъ листъ, которая, чтобы довершить здѣсь картину китайскаго неряшества, отклеившись, висѣла, мѣстами, въ видѣ паутины, до самого пола. Фруктовый садъ, окружавшій зданія, былъ не менѣе запущенъ. Множество деревьевъ, кривыхъ и мохнатыхъ, разрослись до того, что вѣтви, забравшись въ окна бесѣдокъ, еще крѣпкихъ, приподни-

мали камышевые потолки. Дорожекъ и слѣдъ просыхалъ; цвѣтовъ почти совсѣмъ не было; негодная трава ихъ глушила. Виноградъ, безъ ухода, прятался въ темные уголки и никакъ не могъ освободиться отъ толстой сѣти паутины. Небольшіе пруды, покрытые такою плѣсенью, что трудно было подозрѣвать въ нихъ воду, распространяли зловоніе, преслѣдовавшее насъ до самаго выхода изъ сада. А этотъ садъ еще недавно считался первымъ въ Кульдѣжѣ... Потомъ мы посѣтили нѣсколько другихъ мѣстъ, въ томъ же родѣ, по мнѣнію китайцевъ, удобныхъ для временнаго помѣщенія нашей факторіи. Про склады съ чаемъ калдаи не сказали ничего, а только просили повѣрить имъ на слово, что чаю у нихъ много.

Наканунѣ выѣзда изъ Кульдѣжи, я объявилъ калдаямъ, что намѣренъ завтра отправиться чуть-свѣтъ, почему желалъ съ ними распрощаться съ вечера. Мнѣ казалось, что они готовы были бы оттянуть нашъ отъѣздъ, если бы присутствовали при нашихъ сборахъ. Калдаи разсыпались въ любезностяхъ и просили не уѣзжать, не пообѣдавши съ ними въ послѣдній разъ (*). Какъ было имъ отказать въ настоятельной просьбѣ! Я согласился ждать и отдалъ приказаніе казакамъ приготовиться въ восемь часовъ выступить. Напрасно въ назначенный часъ я поглядывалъ на ворота, откуда должны были потянуться гуськомъ калдаи: даже въ десять часовъ я узналъ, что обѣдъ еще не начинали готовить. Напрасно я посылалъ служителей сказать старшему калдаю, что лошади наши осѣдланы и мы ѣдемъ: сперва они меня и слушать не хотѣли, а потомъ всѣ до одного разбѣжались, и мы остались одни во всемъ домѣ. Съ часъ спустя принесли на кухню корзину съ провизіей. Съ задняго двора показался китаецъ-толмачъ: онъ объявилъ, что сейчасъ придутъ калдаи, а самъ исчезъ. Прошелъ еще часъ—никто не явился. Тогда я приказалъ облегчить лошадей и верблюдовъ, не находя въ душѣ приличнаго эпитета для безсовѣстныхъ калдаевъ. Въ это время одинъ за другимъ входили служители и принялись медленно собирать на крыльцѣ обѣденный столъ для казаковъ. Показался въ воротахъ и амбони (генералъ). Я жаловался, что, по милости калдаевъ, наши лошади напрасно измучились, а онъ утѣшалъ меня, что еще рано и что мы успѣемъ дойти до Чимпанзе.

Наконецъ пришли и калдаи. Улыбка на ихъ лицахъ меня

(*) Китайцы обѣдаютъ въ то время, когда мы пьемъ утренній чай.

возмущала; каждый показывалъ мнѣ свои часы, на которыхъ было только одиннадцать, тогда какъ моя стрѣлка стояла на двухъ часахъ!.. Наканунѣ же часы наши шли одинаково!.. Столъ для казаковъ былъ готовъ, но ихъ самихъ нельзя было собрать. Это меня удивило: прежде я всегда видѣлъ казаковъ точными и усердными за обѣдомъ. Они, обыкновенно, не дожидались, когда блюдечко спустится съ лотка на столъ, а хватали налету все безъ разбора: свинина ли то, баранина ли, или каша жидкая, особенно если съ ними сидѣли человѣка два китайцевъ, ловко владѣющихъ двумя палочками. Эти палочки, по формѣ и по размѣру сходныя съ карандашомъ, плохо двигались въ рукахъ нашихъ казаковъ и поневолѣ замѣнялись цѣлой пятерней. Чтобы кто-нибудь изъ казаковъ прозѣвалъ обѣдъ—никогда не случалось. Скоро я узналъ, въ чемъ дѣло. На заднемъ дворѣ у насъ стояли сарты (торгующіе ташкентцы). У нихъ, наканунѣ нашего выѣзда, палъ верблюдъ. Снявши съ него кожу, остальное они подарили китайцамъ. Казаки, которые навѣдывались на кухню, видѣли, какъ поваръ, попробовавши супъ въ одномъ изъ котловъ, вооружился большимъ ножомъ, пошелъ на задній дворъ и, вырѣзавъ изъ остатковъ верблюда лучшее мѣсто, опустилъ его въ котель.... Послѣ этого казаки не хотѣли и садиться за столъ.

Ровно въ два часа прибѣжалъ впопыхахъ китаецъ отъ дзянь-дзюна съ просьбой, чтобы мы остались еще на одинъ день, потому что съ горъ спускаются дунгени. Зная, что у китайцевъ все ложь и обманъ, я отказался остаться даже на часъ. Мы тронулись. Съ нами выѣхали изъ Кульджи два китайскихъ чиновника, посланные дзянь-дзюномъ въ укрѣпленіе Вѣрное; при нихъ было конвоя болѣе 30 человѣкъ, вооруженныхъ луками и пиками. Амбони просилъ меня слѣдовать по нижней дорогѣ, изъ опасенія встрѣтиться съ дунгеними возлѣ селенія Таржи, гдѣ пролегла верхняя дорога. На это я могъ согласиться; но лишь только мы отошли верстъ пять отъ Кульджи, китайскіе чиновники умоляли меня вернуться, говоря, что дунгени перерѣжутъ насъ. Съ омерзѣніемъ смотря я на ихъ плаксивыя лица: такими закоренѣлыми обманщиками они показались мнѣ въ эту минуту.... На небольшомъ пригоркѣ чиновники опять остановили меня и указали на темныя массы, спускавшіяся съ сѣверо-восточныхъ горъ. Видно было, какъ толпы всадниковъ, сойдя съ горъ, разсы-

пались по лѣсу возлѣ Таржи. Тутъ я повѣрилъ, что чиновники трусили непритворно. Между тѣмъ, мольбы ихъ стали переходить въ угрозы: они объявили, что не пустятъ меня дальше. Я, въ свою очередь, началъ стыдить ихъ за трусость, сказавъ, что хотя насъ только пятнадцать человѣкъ, но мы сами никого не боимся и ихъ въ обиду не дадимъ, и наотрѣзъ отказался идти назадъ. На возгласы чиновниковъ, можетъ быть и ругательства, мы не обратили вниманія; казаки запѣли пѣсни, и мы тронулись. Китайцы ѣхали за нами. Скоро, по причинѣ узкой дороги, мы порядкомъ растаянулись. Отойдя еще нѣсколько верстъ, толмачъ, бывшій при мнѣ, остановился и наострилъ уши. Я взглянулъ направо. Наперерѣзъ намъ скакали всадники. За пылью нельзя было ничего разобрать; только слышался гикъ, а вслѣдъ затѣмъ показались пики и луки. Пока мы дали знать своимъ отставшимъ и ушедшимъ впередъ, пока устроились и казаки взяли ружья на изготовку, между нами и всадниками осталось разстояніе менѣе ружейнаго выстрѣла. Окинувъ взглядомъ казаковъ, я только теперь сообразилъ, какъ насъ мало, потому что нельзя было брать въ счетъ тѣхъ, которые вели вьючныхъ лошадей; но, вспомнивъ о сопровождавшихъ насъ китайцахъ, оглянулся: ихъ не оказалось ни одного.... Суматоха, къ счастью, скоро объяснилась: встрѣчные всадники замахали шапками и пиками. Это были китайцы, посланные на службу изъ Чимпанзе въ Кульджу. Узнавъ, что возлѣ Таржи дунгени, они кинулись назадъ и скакали къ намъ на присоединеніе. Бывшіе же съ нами китайцы, завидѣвъ пыль, отъ страху спрятались въ оврагъ.... Когда небывалая опасность миновалась, храбрые сыны поднебесной имперіи выползли изъ своего убѣжища и держались потомъ все время на благородной отъ насъ дистанціи. Имъ стыдно было показаться намъ на глаза.

П. Р.